

отозвалась о «Мертвых душах» «чрезвычайно сухо». Радуюсь тому, что теперь она изменила свое мнение о Гоголе к лучшему, поэт писал: «Перед Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям²⁹».

Относящееся к середине 1840-х годов расхождение между Шевченко и В. Н. Репниной во взглядах на «Мертвые души» Гоголя можно понять только в контексте тех ожесточенных и длительных споров, которые вызвало появление знаменитой книги Гоголя. Судя по цитируемому письму поэта, «нежная любовь к людям» Гоголя не была в свое время понята и оценена В. Н. Репниной. Шевченко был задет не тем, что литературные вкусы Репниной не совпали с его вкусами, а тем, что в момент, когда еще не утихла принципиальная борьба вокруг «Мертвых душ», Репнина присоединила свой голос к хору голосов, отвергавших великое творение Гоголя.

И «Северная пчела», и «Библиотека для чтения», и «Маяк» в один голос обвиняли Гоголя в антипатриотизме, в отсутствии у автора «Мертвых душ» любви к человеку.

Журналом, который встал на защиту Гоголя и показал все значение «Мертвых душ», были «Отечественные записки». В статье 1842 г. «Похожения Чичикова, или Мертвые души», а затем и в других своих статьях Белинский смело выступил в защиту Гоголя, против тех «патриотов», «которым так тепло в нажитых ими потихоньку домах и домиках, а может быть, и деревеньках — плодах благонамеренной и усердной службы» (VII, 258). Раскрывая глубокий общественный смысл «Мертвых душ», Белинский отметил, что им в высшей степени присуще то, что отказывались в них видеть все противники Гоголя, — и любовь к родине, и любовь к людям.

Чрезвычайно важно отметить, что в ожесточенной полемике, возникшей вокруг «Мертвых душ» Гоголя в середине 1840-х годов, Шевченко горячо отстаивал, как это видно из приведенного выше и других его отзывов о Гоголе, точку зрения «Отечественных записок» и Белинского³⁰.

В 1844 г. Шевченко написал свое стихотворение «Гоголю», проникнутое глубоким пониманием сущности гоголевского реализма. В стихотворении уловлено то единство мысли, которое объединяет героическое начало «Тараса Бульбы» с сатирическим началом «Ревизора» и «Мертвых душ». Указывая на внешнее отличие своего творчества от творчества Гоголя («Ты смеешься, а я плачу, великий мой друже»), поэт подчеркивает и общность преследуемой ими цели.

Для установления близости Шевченко к традициям Гоголя ценный материал представляют устные рассказы Шевченко из быта украинского мелкопоместного дворянства, записанные П. Кулишом. Эти неопубликованные рассказы украинского поэта датируются 28 декабря 1846 г. П. Кулиш излагает их на следующий день, в своем письме к П. А. Плетневу от 29 декабря 1846 г. Вот как выглядит в записи одна из этих рассказанных Шевченко сцен из быта переяславского помещика Гаркуши:

«Мальчик! — зовет слугу пан Гаркуша. — Поди достань мне в кладовой табаку, да не того, что висит под зволоком в б у р д ю ж к у (род мешка), а того, что стоит в углу за сундуком в зеленой бутылке; да пускай пани возмет ложечку или две чайной воды, смотря по количеству, да и разотрет табак, да не твоими погаными пальцами, а сама пусть разотрет. Да пускай найдет пани кабатырку, да не ту, що панночка в желтом платьи и в шляпке намалевана, а ту, що пастушок с овечкою лежит, що пани купила в Лубнах на ярмарке, как ездила с аптекаршею. Да подать мне сюртук, не серый, а драдедамовый синий, в котором я губернатора встречал, да панталоны подать желтые и красный кашемировый жилет. Да

²⁹ Т. Шевченко, Листування, ДВУ, 1929, стр. 47.

³⁰ Полезно сравнить в этом отношении отзыв о «Мертвых душах» Гоголя, который дан в повести Шевченко «Близнецы» (ср. IV, 70).